

Константин Станюкович

«Берег» и море



«Морские рассказы»

Константин Станюкович

«Берег» и море

«Public Domain»

1902

Станюкович К. М.

«Берег» и море / К. М. Станюкович — «Public Domain»,
1902 — («Морские рассказы»)

Содержание

I	5
II	9
III	12
IV	14
V	16
VI	18
Конец ознакомительного фрагмента.	19

Константин Михайлович Станюкович

«БЕРЕГ» И МОРЕ

I

Скверное осеннее утро. В большом, внушительном, строгого стиля кабинете роскошной казенной квартиры адмирала Берендеева медленно и строго пробило одиннадцать.

В эту минуту осторожно, словно бы не смея нарушить торжественной тишины кабинета, вошел пожилой черноволосый лакей, с широким смысленным лицом, обрамленным засевшими бакенбардами, опрятный и довольно представительный в своем черном сюртуке с солдатским Георгием.

Неслышно ступая большими цепкими ногами в мягких козловых башмаках, он приблизился к огромному письменному столу посреди комнаты, за которым сидел, погруженный в чтение какой-то бумаги, с длинным карандашом в маленькой, костлявой и морщинистой руке, низенький, сухощавый, совсем седой старик, с коротко остриженной головой и маленькою бородой клинышком.

Он был в расстегнутом форменном сюртуке и в белом жилете. Белоснежный, тугой стоящий воротничок сорочки подпирал шею и горло в морщинах. Морщины изрезывали и длинноватое, гладко выбритое, отливавшее желтизною лицо с длинным прямым носом, напоминающим трудолюбивого дятла.

Утонувший в высоком, глубоком кресле, старый адмирал казался совсем маленьким.

Камердинер адмирала Никита, бывший матрос, выждал несколько секунд, взглядывая на адмирала и словно бы определяя степень серьезности его настроения.

Адмирал не поднимал головы и, казалось, не замечал своего камердинера.

Тогда, слегка вытянувшись, по старой привычке, Никита решительно и довольно громко произнес:

– Осмелюсь доложить...

– Дурак! – раздражительно оборвал старый адмирал, приказавший раз навсегда не беспокоить его по утрам, когда он занимается, добросовестно прочитывая доклады и добросовестно подучивая учебник механики, чтобы потом не обнаружить своего незнания на подчиненных людях.

– Дама желает видеть ваше высокопревосходительство.

Адмирал взволновался.

– Дама? Зачем дама? Какая дама?

– Супруга капитана второго ранга Артемьева. Молодая и брюнетистая по личности, ваше высокопревосходительство.

С этими словами Никита положил на письменный стол визитную карточку.

Адмирал, прежний лихой «морской волк», неустрашимый, простой и доступный, недавно после долгой службы на берегу изменился.

Если бы посетительница была с громкой фамилией или супруга человека с серьезным служебным положением, он хоть и выругал бы про себя даму, оторвавшую его от работы, но, разумеется, приказал бы немедленно просить.

«А то к нему, высокопоставленному лицу, работающему до одурения, лезет на квартиру какая-то Артемьева, жена капитана второго ранга... Да еще, дура, передает свою карточку... Очень нужно ему знать, что ее зовут Софьей Николаевной!»

Обозленный и дамой, и Никитой, и сегодняшним предстоящим заседанием, где ему придется говорить, защищая свой доклад, адмирал швырнул карточку и проговорил своим скрипучим старческим голосом, звучавшим гневною раздражительностью:

– Скотина! Как ты смел пустить просительницу? Разве не знаешь, что просителей на дому не принимаю. Что курьер смотрел? Где он?

– Услан ее высокопревосходительством.

– Куда?

– В театр и к портнихе.

Адмирал сердито крякнул и сказал:

– Скажи просительнице, что может явиться в министерство... Прием от часа до двух... Понял?

«Ты-то стал меньше понимать на сухой пути!» – подумал Никита, служивший при Берендееве много лет: сперва – капитанским вестовым, а после отставки – камердинером на берегу.

И, вместо того, чтобы «исчезнуть», как исчезал, бывало, из каюты при первом же окрике своего капитана, Никита доложил:

– Я уже все обсказал даме, ваше высокопревосходительство.

– Что ж она?

– Не уходит!

– Как не уходит? – изумленно спросил адмирал, казалось, не понимавший такого неповиновения жены моряка.

– «Я, говорит, не могу уйти. Мне, мол, по экстре на пять минут поговорить, вот и всего!» Это сказала во всем своем хладнокровии и шмыг в залу.

– Экая нахалка!.. А ты болван!.. Иди и скажи ей, что я не могу принять. Пусть убирается к черту!

– Есть!

Никита вышел и через минуту вернулся.

– Ушла? – нетерпеливо спросил адмирал.

– Никак нет, ваше высокопревосходительство! Несогласна! – казалось, довольный, сказал Никита.

– Как она смеет? На каком основании?.. – подчеркнул адмирал: «на каком основании» – особенно любимые им слова с тех пор, как из отличного строевого моряка сделался неожиданно для себя государственным человеком.

– На том основании, что «буду, говорит, ждать адмирала. Он, мол, не бессердечный человек, чтобы не найти пяти минут для женщины». Известно, по бабьему своему рассудку, не может войти в понятие насчет спешки при вашей должности! – прибавил Никита с едва уловимую ироническою ноткой в его голосе.

– Это черт знает что такое!.. – бешено крикнул адмирал, поднимаясь с кресла.

И он заходил по кабинету, придумывая и, казалось, не придумавши, как отделаться от этой дамы.

– Какая наглость!.. Наглость какая! – повторил адмирал, похрустывая пальцами.

Адмирал уже представлял себе просительницу дерзкою психопаткой, а то и курсисткой, с которой, чего доброго, нарвешься на скандал и еще попадешь в газеты. Нечего сказать, приятно!

И какое может быть у нее экстренное дело к нему?

Взволнованный адмирал придумывал причины, одна другой несовместимее. Одна из них казалась ему вероятнее. «Верно, прилетела жаловаться на мужа, что прибил ее. И поделом такой женщине! Верно, и распутная. Иди с жалобой к экипажному командиру, а то лезет в квартиру... И не уходит... Курьера нет... Никишка... рохля!»

«Наглая баба!» – мысленно поносил старик просительницу.

И этот властный старик, который позволяет грубости и не про себя с подчиненными, избалованный их страхом дисциплины и раболепством, теперь чувствует бессилие, и перед кем? Перед какою-то бабой!..

Точно потерявший ум и засушивший на старости лет сердце, он злобствует на просительницу, трусит ее и, растерянный, не знает, на что решиться.

Решительный и сообразительный в море, он прежде знал, что делать при всяких обстоятельствах на командуемых им судах.

А теперь?..

Так прошла минута.

Отступив к двери, Никита взглядывал на беснующегося адмирала и мысленно порицал его.

«Не обезумей из-за своего звания, очень просто решил бы ты в секунд плевое дело, по рассудку и совести. На том свете уж ему паек идет, а он куражится над подчиненными людьми...»

Сочувствующий просительнице, пообещавший ей попытаться насчет приема адмиралом, он осторожно проговорил:

– Дозвольте доложить, ваше высокопревосходительство?

– Ну... Что еще?

– Просительница не осмелится зря докучать вашему высокопревосходительству.

– Почему?

– Она вовсе не озорного вида.

– А какого?

– Очень даже благородного обращения, ваше высокопревосходительство! Хоть по своей гордости и не оказывает обескураженности, плакать не плачет, а заметно, что в расстройке... Такая тихая, в строгой задумчивости сидит просительница и ждет!

И после паузы Никита значительно и серьезно прибавил, чтобы напугать адмирала:

– Как бы, грехом, с ней чего не случилось от отчаянности, ваше высокопревосходительство!

– Чего? – испуганно и растерянно спросил адмирал.

– Известно, по женской части. Схватит ее «истерик», и заголосит просительница на всю квартиру! – значительно и таинственно понижая голос, докладывал Никита.

Недаром же он клепал на просительницу с самыми добрыми намерениями человека, еще не забывшего совесть.

Он хорошо знал своего адмирала. Не раз наблюдал, как теряется старик, «давая слабинку», когда адмиралыша, лет на тридцать моложе мужа, женщина, по словам Никиты, «шельмоватая», «форсистая» и еще «бельфамистая», довольно-таки часто занималась «истериком» и в такие минуты называла мужа «противною старою обезьяной».

Вот почему, пользуясь случаем, Никита «забирал ходу», как называл он смелость своего разговора с адмиралом, и продолжал:

– Одно только будет беспокойство вашему высокопревосходительству, осмелюсь доложить... И ежели бы изволили потребовать просительницу, она живо бы обсказала свою причину, и... проваливай!

Адмирал снова назвал своего камердинера непечатным словом и прибавил:

– Черт с ней. Зови ее! Только предупреди: пять минут – и ни секунды!

– Есть, ваше высокопревосходительство! – отвечал Никита, не обращая большого внимания на брань и, казалось, очень довольный, скрывая свое горделивое чувство победителя.

«Только зря больше пяти минут куражился. Давно принял бы барыню и сидел бы за своими бумагами!» – подумал Никита.

И почти вприпрыжку «исчез» из кабинета обрадовать просительницу.

А старый адмирал, словно бы боявшийся уронить престиж власти, на который покушается жена капитана второго ранга Артемьева («И как он смел пустить свою дуру к высшему начальству!»), слегка выпялил грудь, нахмурил седые брови и, заложив за спину обе руки, остановился невдалеке от дверей в позе нахохлившегося дятла, готовый оборвать «нахалку».

II

Уже предубежденный против просительницы, адмирал в первую минуту не сообразил, что остановившаяся перед ним, слегка бледная, высокая, стройная женщина, в черном платье и в скромной шляпке, решительно ничем не походила на наглую психопатку, какую рассчитывал встретить его высокопревосходительство.

Не заметил, казалось, адмирал в просительнице и того невольно бросающегося в глаза, что заметил Никита: отпечатка простоты, порядочности и горделивой скромности и строгой одухотворенной красоты ее умного, энергического лица с большими темными, серьезными глазами.

Он только обратил внимание, что она не извинялась и не благодарила за то, что допущена к высокопоставленному лицу, и ее глаза глядели на него прямо, открыто и смело, полные надежды.

Этот взгляд, совсем непохожий на те заискивающие, рассчитанно-кокетливые и при-творно-страдальческие взгляды, которыми большая часть просительниц достигала цели, только еще более раздражил уже раздраженного старика.

Какая дерзость!

И он едва кивнул головой на поклон молодой женщины. Всплывший, он даже не спросил, что ей нужно, а сразу набросился на нее и почти кричал:

– На каком основании, сударыня, вы лезете в мою квартиру?.. Позвольте спросить, сударыня, на каком законном основании?! Должен я, что ли, бросить государственные дела и слушать каждую даму, которой вдруг «приспичит» отрывать серьезного человека от занятий? Казалось бы, что вы, как жена флотского офицера, должны это понимать. Не понимали, – спросили бы мужа... Или... нынче новая мода. С мужьями не советуются. Полная свобода... Жена сама по себе... Очень хорошо! Так спросили бы одного из ваших знакомых мичманов...

Просительница бледнела.

Казалось, она не верила своим ушам.

Изумленная, она еще пристальнее глядела на адмирала.

Презрительное молчание и высокомерный вид просительницы еще более обозлили старика.

И он кричал точно на мичмана:

– Добились своего, сударыня. Дурак-лакей впустил, вы воспользовались его глупостью, и я принужден вас принять. Так что же вам от меня нужно? Прошу говорить короче!.. Какое может быть у вас экстренное дело, чтобы ворваться сюда?

Вместо того, чтобы заговорить о деле, Артемьева повернулась и пошла к двери.

Адмирал опешил.

Прошло несколько мгновений. Голос его значительно понизился, когда он проговорил:

– Вернитесь, госпожа Артемьева!..

Она остановилась у дверей и с блестящими слезами на глазах произнесла:

– С меня довольно оскорблений, ваше высокопревосходительство.

По-видимому, только в эту минуту адмирал увидел, какую благородною правдивостью дышит печальное, негодующее и строгое лицо этой бледной брюнетки, изящной и красивой, и, казалось, сообразил, как грубо и оскорбительно кричал на просительницу.

И, приблизившись к ней, проговорил:

– Напрасно вы, сударыня, приняли так близко к сердцу мои слова.

– Напрасно? – изумленно и строго протянула Артемьева. И тихо, стараясь сдерживать себя, продолжала: – Вы, адмирал, верно, не помните, что говорили? Или вам кажется, что вы

еще мало кричали и мало говорили оскорбительных слов, чтобы можно было их принять к сердцу... О, разумеется, сама виновата. Ведь я не рассчитывала на такой прием... Я думала...

– Вы могли бы пожаловать в часы приема! – перебил старик, словно бы оправдываясь.

И голос его стал мягче. И сам он не походил на высокомерного, грубого адмирала.

– Знала. Но мне было необходимо говорить с вами не при публике.

– Я принял бы вас отдельно и в министерстве. Поверьте, Софья Николаевна, что я не принимаю у себя на дому...

– Значит, я была введена в заблуждение... Мне говорили, что вы принимаете. Еще на днях графиня Штейгер...

Адмирал, пойманный во лжи, смутился.

Ведь он не отказывал просительницам поважнее и бывал с ними очень любезен.

И, вместо того, чтобы оборвать обличительницу, он почти виновато произнес:

– В очень редких случаях, Софья Николаевна...

– Так я надеялась на редкий, счастливый случай. Он был важен для меня. Мне с разных сторон говорили, что вы... добрый человек, и я поехала. Конечно, я знала, что вы бываете неразборчивы в выражениях с подчиненными. Вероятно, не сомневаетесь, что ни один из них не примет к сердцу слов человека, от которого зависит судьба... – с нескрываемою злою иронией вставила молодая женщина.

И, отдавшаяся властному чувству поруганного человеческого достоинства, грустная и скромная в смелости, она тихо и значительно, слегка вздрагивающим от сдерживаемого волнения голосом продолжала:

– Но смела ли я думать, что вы, заслуженный адмирал, станете кричать на женщину, как на матроса, и оскорблять ее, как не оскорбляют даже уличных женщин, уверенный, что можно делать все безнаказанно. Ведь я – жена капитана второго ранга Артемьева. А что если я вдруг урожденная княжна или графиня, ваше высокопревосходительство?

Подавленный, растерянный и словно бы забывший, что он всесилен, властен и не знает противоречий, адмирал почувствовал словно удары бича в этих, давно несслыханных им, смелых словах.

Оробевший и бессильный перед беспощадною правдой возмущенной и оскорбленной женщины, он не осмеливался остановить ее.

Что мог он сказать в оправдание своей оскорбительной грубости и бешеного крика?

Новым криком: «Убирайтесь вон!»

Но – странное дело! – теперь просительница, бросающая ему в глаза порицание, не только не возбуждает в адмирале большей злобы или мстительности мелкой душонки, а, напротив, вызывает в нем невольное уважение к смелости правдивой души, стыд перед нею и сознание своего позорного поступка.

Казалось, он был подсудимым перед строгим судьей-просительницей.

А она говорила:

– Извините, ваше высокопревосходительство, что осмелилась отнять у вас время. Я наказана за свое заблуждение... Покойный мой отец Нерешимов много помог ему, – он так хорошо вспоминал о своем прежнем капитане на «Кречете»... И я все-таки уверена, что ваш гнев за мои слова не отразится на муже. Вы этого не сделаете! – почти просила Артемьева.

Адмирал еще ниже опустил свою седую голову, словно не решался поднять своих выцветших смущенных глаз.

И молодая женщина почти мягко прибавила:

– Ведь мои слова были вызваны вами... И, быть может, когда ваше раздражение пройдет, вы убедитесь, что не все просительницы так выносливы, как ваши подчиненные. И... и вам будет стыдно.

С этими словами Артемьева хотела уйти.

Адмиралу уже было стыдно.

И стало еще стыднее оттого, что просительница, да еще дочь славного Нерешимова, его приятеля, который вышел в отставку, защищая свое человеческое достоинство, даже не желает говорить о своем деле.

«А ведь у бедняжки, верно, горе... Такие безнадежные глаза. И как похожа она на отца... Такая же... характерная...» – подумал адмирал.

И, взволнованный, испуганно воскликнул:

– Не уходите, Софья Николаевна!..

В голосе адмирала звучала мольба.

И виновато прибавил:

– Простите, если только можете, виноватого старика!..

Молодая женщина не ожидала такого впечатления ее смелых слов. Она не сомневалась, что после них дело ее потеряно и не стоило обращаться к адмиралу с просьбой.

И вдруг такая перемена!

Софья Николаевна была тронута. Она уж была готова если не оправдать грубого деспота-старика, то значительно уменьшить его вину. Теперь ей казалось, что она уж слишком резко обошлась с ним, словно бы забывая, что только благодаря этому адмирал почувствовал свое бессердечие и стыд.

Сама взволнованная и смущенная, молодая женщина промолвила:

– О, благодарю вас, Василий Васильич!

– Не вам благодарить, а мне... Вы проучили старика... Присядьте, Софья Николаевна...

Вот сюда, на диван...

Она опустилась на диван. Адмирал сел напротив.

– Что в вами?.. Чем могу быть вам полезен, Софья Николаевна? – спросил он.

Казалось, спрашивал не сухой формалист-адмирал, а ласковый, учтивый, добрый отец, старавшийся загладить вину перед обиженной дочерью.

III

– У меня к вам большая просьба, Василий Васильевич! – серьезно, значительно и тихо проговорила молодая женщина. И смущенно, краснея, прибавила: – Но только попрошу вас, чтобы она осталась между нами.

– Даю слово, что ни одна душа не узнает, Софья Николаевна.

– Прикажете назначить мужа в дальнее плавание. Я знаю, что освобождается место старшего офицера на «Воине». Муж имеет все права на такое назначение... Я прошу не протекции, а только напоминаю о праве.

Адмирал изумился.

Он припомнил, что муж просительницы, симпатичный, красивый блондин, еще два месяца тому назад отказался от блестящего назначения на Восток.

– Так, значит, ваш муж раздумал...

– Как раздумал?

– Он ссылаясь на семейные обстоятельства, когда я предлагал ему отвести миноносец в Тихий океан.

Кровь отлила от лица Артемьевой, и она решительно сказала:

– Он не хочет в плавание... Но ему необходимо идти... для его же пользы...

Адмирал пристально посмотрел на красивую женщину. Она перехватила этот взгляд, казалось ей, подозрительный, и, гордо приподнимая голову, строго промолвила:

– Я люблю мужа и семью... Оттого и прошу вас отправить его в плавание...

– Разве он?.. – сорвалось у адмирала.

– Он благородный, честный, деликатный человек! – с горячею страстностью воскликнула Софья Николаевна, словно бы вперед запрещая кому-нибудь сказать о муже что-нибудь дурное.

– Я знаю... Как же... И способный офицер...

– Еще бы!

– С удовольствием исполню вашу просьбу, Софья Николаевна...

– И скоро он уедет?

– А вы как хотите?..

– Как можно скорее.

– Ему будет приказано через три дня уехать к месту назначения.

– Благодарю вас, Василий Васильич!

Лицо Софьи Николаевны немного прояснилось, и она поднялась с дивана.

Адмирал крепко пожал ее руку, проводил молодую женщину до двери и, почтительно кланяясь, сказал:

– Дай вам бог счастья. Не поминайте лихом!

– Добром вспомню, Василий Васильич!

– И если я буду вам нужен... зайдите.

– Непременно. От часу до двух – в министерстве...

– И ко мне прошу.

– Разве в особо важном случае... Иначе не ворвусь...

В прихожей Никита, подавая просительнице накидку, весело промолвил:

– Вот барыня, и слава богу...

– Вам спасибо, большое спасибо! – сердечно ответила молодая женщина.

Она полезла было в карман, но Никита остановил ее словами:

– Я не к тому, барыня... Не надо... А, значит, «лезорюция» от него вышла?

– Вышла...

– Вот то-то и есть... Только надо с ним, как вы...

– А как?

– Не давать спуску... Я слышал, как вы, барыня, отчитывали... Небось, войдет в рассудок! – довольный, сказал Никита и низко поклонился Артемьевой, провожая за дверь.

Она опустила густую вуаль, словно бы не хотела быть узнаною, торопливо спустилась по широкой лестнице и, очутившись на набережной, прошептала:

– Что ж... По крайней мере дети спасены!

Слезы невольно показались на ее глазах.

Софья Николаевна взглянула на часы. Было четверть первого.

И она наняла извозчика и попросила его ехать скорее в десятую линию Васильевского острова.

Софья Николаевна не любила, чтобы дети сидели за столом без нее.

IV

Два мальчика-погодки – шести и пяти лет, и двухлетняя очаровательная девочка с белокурыми волосами, веселые, ласковые и небоязливые, радостно выбежали к матери в прихожую.

Она невольно полюбовалась своими красавцами-детьми и особенно порывисто и крепко поцеловала их.

И бонна, рыжеволосая, добродушная немка из Северной Германии, и пригожая, приветливая горничная Маша не имели недовольного, надутого или испуганного вида прислуги, не ладившей с хозяевами.

Они встретили Софью Николаевну приветливо-спокойно, без фальшивых улыбок подневольных людей, видимо расположенных к Софье Николаевне, уважающих, не боявшихся ее, хотя она и была требовательная хозяйка, особенно к чистоте в квартире.

Но чувствовалось, что она не смотрит на прислугу, как на рабов, и не считает их чужими.

По вешалке Софья Николаевна узнала, что мужа нет дома.

– Я только переоденусь, и подавайте, Маша, завтракать! – проговорила она обычно спокойно и ласково. – И попросите Катю, чтобы оставила для Александра Петровича цветную капусту. Нам не подавайте!

– Барин только что ушли и сказали, что завтракать не будут...

– Так пусть Катя оставит капусту к обеду.

«Уже с утра стал уходить!» – с больным, тоскливым чувством подумала Софья Николаевна и пошла в спальную.

И гостиная-кабинет с двумя письменными столами, большим библиотечным шкапом, фотографиями писателей, пианино и холеными цветами на окнах и в жардиньерке, и спальная без ширм и портьер, и две комнаты для детей и бонны сверкали чистотою, опрятностью и сразу привлекали, как иногда люди, какою-то симпатичною своеобразием.

В них даже пахло как-то особенно приятно. И воздух был чище. И дышалось легче.

Казалось, это было одно из тех редких, заботливо свитых гнезд, в котором приютился семейный мир.

Ничто в этой очень скромной обстановке не напоминало обязательно-показных гостинных «под роскошь», так называемых «будуаров», с намеками на «негу Востока» из Гостиного двора, темных, тесных детских и грязных углов, где «притыкается» на ночь прислуга.

Видно было, что здесь устроились по-своему, для себя, а не «для людей», как устраиваются «все».

Теперь это гнездо, свитое и оберегаемое любящею женой и матерью, – уже не то милое и родное, которое делало жизнь ее полною и счастливою.

Софья Николаевна переодевается и думает все одну и ту же думу, которая не оставляет ее с тех пор, как гнезду грозит разрушение. Надо спасти мужа и детей, главное – детей.

И ей кажется, что спасет, чего бы ей ни стоило.

Недаром же она решилась на долгую разлуку с человеком, который так дорог ей, которого так безумно и влюбленно любит и – что еще тяжелее – не может, по совести, обвинить его.

Напротив!

Она знает, что он боролся и старается скрыть от нее свое тяжелое настроение, как скрывает свои муки и она.

Разве виноват он, что жена больше не нравится, и ему с ней стало скучно?

Виноват разве он, мягкий и доверчивый, что верит и поддается кокетству и лести Варвары Александровны, той красивой, веселой, блестящей и нарядной женщины, которая влюбляет его в себя и сама влюбляется только потому, что Шура красив и не хочет быть ее любовником.

Он слишком порядочен, чтобы обманывать жену, как не раз обманывала Варвара Александровна своего мужа.

И Софья Николаевна не обвиняла, как большая часть женщин, соперницу, а себя в том, что муж, семь лет любивший ее и, казалось, беспрдельно, не на шутку полюбил другую.

Она слишком серьезна и слишком *terre-a-terre* для общительного и жизнерадостного Шуры. Она больше сидела дома, занятая детьми и заботами о гнезде.

Она знала свою власть над мужем и напрасно слишком пользовалась его безграничной привязанностью и добротою. Она сделала и его домоседом. Читал с нею, слушал ее впечатления, советовался обо всем, и они изредка ходили в театр и на лекции, всегда вместе.

И муж не раз говорил, что счастлив. Он сознавал, что под влиянием жены, и радовался, что умница Соня, его друг и желанная красавица, сделала его серьезнее, отучила его от прежней пустой жизни и заставила думать о том, о чем прежде он не думал...

И вдруг она почувствовала, что ее счастье – над пропастью.

Софья Николаевна при первом же посещении Варвары Александровны поняла, отчего муж стал хандрить и чаще уходить из дому.

Софья Николаевна таила в душе скорбь и муки ревности и ни словом, ни взглядом не показала оскорбленной женской гордости. Она ждала, что ослепление мужа пройдет: он поймет эгоистичную, лживую натуру Варвары Александровны, и прежнее вернется.

Но прошло два-три месяца.

Муж худел и, встревоженный и тоскливый, еще более задумывался, сидя за своим письменным столом или в столовой. Еще виноватее, ласково и внимательно говорил он о разных пустяках, словно бы доктор, говорящий с приговоренною к смерти. Он чаще носил Софье Николаевне цветы и конфеты. Еще порывистее ласкал детей и вдруг срывался с места по вечерам, хотя, случалось, и собирался остаться дома.

Он не говорил жене, как прежде, куда уходит. Он молчал, не желая лгать, выдумывая какой-нибудь визит к знакомым.

Не спрашивала, как прежде, и Софья Николаевна.

Она прощалась с мужем, не целуясь, только крепко пожимала его руку, казалось, спокойная, и не глядела на него, чтобы еще более не смутить его смущенного лица.

Софье Николаевне вдруг пришла в голову мысль, что, захваченный страстью, он может оставить ее и семью.

Недаром же он как-то тоскливо ей сказал: «Какая ты самоотверженная и благородная! Соня! Я тебя не стою!»

И тогда Софья Николаевна пришла в ужас. Решила отправить мужа в плавание, подальше от отравившей его женщины.

Ей казалось, что она думает только о нем и о детях, забывая себя.

Семь лет она была счастлива. Силой любви не вернуть. Но она должна удержать отца детям и спасти любимого человека.

Какое обрушится на него и детей несчастье, если на его шее будет две семьи? Он бесхарактерный, может запутаться и пропасть...

Будь она одна... Она не мешала бы новому его счастью и сказала бы: «Никогда не упрекну тебя. Разве виноват, что разлюбил меня?»

Так говорила себе Софья Николаевна. И в то же время иногда ей хотелось крикнуть: «Люби меня!..»

V

На следующее утро приехал курьер.

– Зовут в главный штаб к одиннадцати часам... Не понимаю, Соня, зачем требуют! – проговорил Артемьев приятным, мягким баритоном.

Это был среднего роста, стройный, хорошо сложенный блондин, казавшийся совсем молодым, несмотря на свои тридцать четыре года, с точно выточенными чертами красивого и привлекательного лица, с блестящими зубами и светло-русыми бородкой и пушистыми усами.

Особенно привлекательны были голубые глаза, добрые и ласковые, светившиеся умом.

Приученный женой, он уже с раннего утра, как только что встал, был в тужурке, с белоснежным воротником, повязанным регатом, чистый, опрятный и свежий, с приглаженными, слегка курчавыми светлыми волосами.

Софья Николаевна, тоже с утра одетая в черную юбку и свежую пунцовую блузку, гладко причесанная, побледневшая от бессонной ночи, побледнела еще больше при известии о том, чего вчера сама просила.

Она смотрит на милое, ласковое лицо красавца-мужа, и ей кажется, что она поторопилась... спасти его... Она преувеличила опасность и напрасно ездила к Берендееву.

В разлуке муж скорее отвыкнет от нее. Она останется одна...

И молодая женщина словно бы прозрела, что ее самоотвержение, которым гордилась, было не таким благородным побуждением, каким себя обманывала, а злым, ревнивым чувством и боязнью остаться с детьми без тех средств, которыми пользуется при муже. И ее, казалось ей, необходимая предусмотрительность представилась теперь нелепой. Чувство и страсть влюбленной женщины заставили ее забыть в эту минуту все: и детей, и соперницу, и обиду не близкой жены.

И она со страхом воскликнула:

– А если какое-нибудь назначение в плавание... Ведь ты не примешь, Шура!..

– Постараюсь, Соня! – промолвил Артемьев.

Артемьеву казалось, что бедная, встревоженная Соня и не догадывается, отчего он употребит все средства, чтобы не уйти в дальнейшее плавание.

И, смущенный, он проговорил, целуя руку жены:

– Не волнуйся заранее. Быть может, требуют по пустякам... Назначат членом в какую-нибудь комиссию...

– Но если не то... Если пошлют... Откажешься, милый?

– Непременно, Соня! – еще смущеннее вымолвил Артемьев, отводя глаза от этого бледного, красивого лица, полного выражения любви.

– И знаешь ли что, Шура...

– Что, Соня?

– Если начальство откажет...

– Тогда что делать? – испуганно воскликнул Артемьев.

– Я поеду к Берендееву и попрошу, чтобы тебя не посылали.

– Ты к Берендееву?.. Нет, не надо, Соня... Неловко, чтобы жена просила за мужа... Ты ведь сама не любишь таких протекций... Не такой ты человек, Соня... Нет, нет, ни за что! – порывисто прибавил Артемьев.

«Этого бы еще недоставало!» – подумал он.

– Хороший мой... Благородный! Ты прав! – чуть слышно сказала Софья Николаевна. – Так выходи в отставку! – неожиданно прибавила она.

– Не отпустят... И скоро ли получишь место... И на какие деньги будем жить, Соня... Подумай...

– Уедем отсюда в провинцию... Там дешевле жить... Там легче достанешь место... Там... ты повеселеешь... Не будешь хандрить, как в последнее время...

И, деликатно-сдержанная в последнее время в проявлениях ласки, Софья Николаевна обняла мужа и, прижавшись к нему, с тоской шептала:

– Уедем, милый... Уедем!

Артемов гладил голову жены, жалел ее и в то же время думал о веселой, блестящей и остроумной женщине, которая завладела им какими-то чарами жгучих обещающих глаз и чувственной красотой ее лица, форм и фигуры, от которых ему не избавиться. Он думал, что она полюбила его до того, что готова бросить мужа, если он оставит жену...

И он потерял голову... Он не в силах уйти от... Он называет себя подлецом перед Соней. Она – святая, благородная женщина. Но отчего же она кажется ему уж не прежней чарующей, властной красавицей, и с ней уж не так легко и весело, как с Варварой Александровной? Он привязан к Соне, бесконечно любит и уважает ее. А та не такая умная, святая и честная, как Соня, и между тем... она, одна она кажется ему дорогою, любимой и желанною.

Артемов еще нежнее стал гладить голову жены и еще ласковее говорил:

– Не волнуйся, Соня... Сейчас узнаем, зачем меня зовут... Пора ехать.

Он осторожно отстранился от объятий жены, поцеловал ее маленькую горячую руку и ушел одеваться.

– Буду ждать тебя к завтраку! – сказала Софья Николаевна, провожая мужа.

Через час он возвратился совсем подавленный. Софья Николаевна была бледна, как смерть.

– Надо уезжать, Соня! Назначен старшим офицером на «Воина».

– А в отставку?..

– Просился. Отказали.

– Хочешь... я поеду к Берендееву.

– Нет... нет. Спасибо, Соня... Это невозможно...

И, целуя особенно нежно руку жены, точно прося в чем-то прощения, вдруг раздумчиво промолвил:

– Быть может, и лучше, что в плаванье!

Через три дня Артемов уехал в Одессу, чтобы там сесть на пароход Добровольного флота и идти на Дальний Восток.

VI

На другой день после памятного старому адмиралу визита Софьи Николаевны, Берендеев во втором часу сидел в своем кабинете и, слегка наклонив голову, внимательно и с удовольствием слушал доклад своего любимого помощника и советчика, начальника главного штаба, вице-адмирала Ивана Сергеевича Нельмина.

По обыкновению, он докладывал коротко, обстоятельно и почтительно-настойчиво, казалось, любуясь собой и видимо щеголяя своим деловитым красноречием и умением не раздражать «старого дятла», как называл про себя Нельмин своего начальника.

Это был высокий, плотный и еще очень видный, совсем заседевший брюнет с моложавым лицом и молодыми, слегка наглыми глазами, без бороды, с выхоленными усами, щеголевато одетый, благоухающий духами, с крупным брильянтом на мизинце.

Еще не особенно давно известный во флоте ругатель и «дантист», – он тогда словно бы нарочно щеголял грубоватостью и откровенной резкостью прямого «отчаянного моряка», носил фуражку на затылке, свысока смотрел на береговых моряков, признавал тогда только портер и херес, к женщинам относился с циничным высокомерием холостяка, с приподнятым негодованием возмущался «безобразиями» во флоте, бранил за глаза высшее начальство и не раз говорил, что «плюнет на все» и выйдет в отставку. Невмоготу такому человеку!

Однако Нельмин в отставку не выходил.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.